

у нас не возникло бы визуального впечатления причинной связи, хотя она есть, потому что здесь нет механического воздействия мяча на свет.

Баттерфилл утверждает, что мы видим каузальные связи не так, как мы видим форму объектов. Восприятие формы объекта – это способ осознания его формы. Восприятие каузальных связей не является способом осознания причинного взаимодействия⁶. Он ссылается на длительный разрыв между категориальным восприятием каузального взаимодействия и появлением способности к рассуждению. Дети воспринимают каузальное взаимодействие с девяти месяцев, а способность составить суждение о каузальной связи у них возникает в 2,5–3 года. Однако такой же разрыв между восприятием и осознанием,

возможно, существует и в восприятии формы. Поэтому, скорее, мы видим каузальные связи так же, как мы видим форму объекта.

Примечания

- ¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. : в 2 т. М., 1966, Т.1. С.173.
- ² Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М., 1995. С.101–103.
- ³ Siegel S. The Visual Experience of Causation // *Philosophical Quarterly*. 2009. № 59(236). P. 2.
- ⁴ См.: Butterfill S. Seeing causes and hearing gestures // *Ibid*. P. 410.
- ⁵ Siegel S. *Op. cit.* P. 20.
- ⁶ Butterfill S. *Op. cit.* P. 427.

УДК 316.4

ДИНАМИКА ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: СТРАТЕГИИ ЕВРОПЫ И КИТАЯ

М. О. Орлов

Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mail.ru

Тесная связь между экономической, культурной и политической сферами Америки, Европы и Китая приводит к тому, что малейшие кризисные ситуации, возникшие в одной из этих областей, объективно сказываются и на других, поэтому требуются грамотное управление, социальный контракт, роль которого сейчас выполняют принципы социально ориентированного государства. Позитивное значение в этом отношении приобретает и поиск оптимальных моделей дискурсивной регуляции глобальной трансформации.

Ключевые слова: социокультурные отношения и экономика Европы и Китая, глобализация, социальная динамика, социокультурные изменения.

Dynamics of Globalizing Economy in Discursive Management Context: European and Chinese Strategies

М. О. Orlov

Close connection between economic, cultural and political sphere of America, Europe and China leads to situation that the slightest crisis in one of these areas objectively affects the others. Competent management, the social contract which role is carried out now by principles of the socially-focused state therefore is required. Positive value for that matter gets also searching of optimum models of discursive regulation of global transformations.

Keywords: sociocultural relations and economy of Europe and China, globalization, social dynamics, social and cultural changes.

Экономические условия оказывают прямое воздействие на политическую сферу социума. Политика определяет стремления и действия людей в соответствии с их материальными потребностями и интересами. Она выполняет лишь организационную и структурирующую функцию. Очевидно, что экономически господствующий класс обладает одновременно и политическим господством. Сегодня социальная динамика глобальных процессов напрямую связана с капитализмом, с его западноевропейской моделью, что актуализирует ценность социальной справедливости и равноправия как на индивидуальном, так и на институциональном уровне.

В пространстве современной философии практически без внимания и полноценной рефлексии оказывается такая ведущая сфера социальной деятельности как экономика, а такая область знания как философия экономики не имеет должного развития и очевидных перспектив. В современных условиях ее категориальный аппарат, предметная область крайне сузились. Философия экономики была сведена к уровню экономической теории. Современная экономика превратилась в набор неких стандартных функций и правил, по которым должна действовать вся мировая обще-

ственность. Экономические стратегии ограничиваются сейчас лишь «сложением и вычитанием». Такое плачевное состояние особо ощутимо в условиях перестройки социальной системы. Экономика, как и политика и идеология, есть неотъемлемая область культуры и, следовательно, она имеет самое непосредственное отношение к вопросам этики, политики и социальной философии. Обсуждение и решение фундаментальных экономических проблем должно происходить в купе с актуальными философскими и культурологическими вопросами.

Зарождение экономики как науки произошло не без влияния этики и философии. Адам Смит, признанная фигура в экономической сфере, связывал экономику с индивидуальными и коллективными поведенческими стратегиями, целью которых было достижение благосостояния наций. В. Б. Устьянцев осуществляет рефлексию экономической сферы сквозь призму рискологической проблематики: появление системных экономических рисков сегодня актуализирует связь экономики и этики¹. Недостаток мировых ресурсов заставляет общественность находить точки соприкосновения между экономикой и моралью. Рыночные отношения, которые чаще всего сводятся к процессам обмена и взаимодействия производителя, посредника и потребителя, прекрасно укладываются в понятийное поле дискурсивного управления, в котором принцип универсальной взаимности играет главенствующую роль. П. Козловски рассматривает рыночную систему в экономике неотрывно от демократической составляющей. Он констатирует, что рынок и демократия являются по своим социально-онтологическим свойствам, во-первых, индивидуалистическими, а во-вторых, дискурсивными институтами формирования решений, где решения принимаются согласно выражению воли потребителя либо избирателя².

Китайский философ Фунг Йео-Лян также разрабатывал возможность применения этических принципов в анализе экономической коммуникации³. Основным направлением его научных изысканий является разработка в социоэкономическом и неоконфуцианском поле концепции «коммуникативного этически ориентированного кодекса предпринимательства», в котором провозглашается приоритет ценностной рациональности перед системной и стратегической⁴. Здесь перед нами попытка китайского философа отказаться от западноевропейской модели «человека экономического», которая сейчас безраздельно господствует в экономической теории. Согласно Фунг Йео-Ляну, функция управления сводится к созданию социальных условий в экономической сфере, с помощью которых станет возможным создание экономических дискурсов без каких-либо видимых препятствий, а значит, будет

осуществлен конструктивный экономический диалог. В результате этих действий предполагаются существенное повышение эффективности экономики и реализация принципа экономической справедливости. Достигнуть этого можно путем создания политико-экономического сообщества согласования и понимания, где представлены не только непосредственные участники сделки, но и все стороны, ею затрагиваемые. Сообщество согласования выполняет регулятивную функцию. Китайский философ строит модель предпосылок сообщества согласования. Первая ступень установления коммуникативной рациональности – это учреждение нормативного фундамента, далее – «процедуры согласования» в форме заключения общественно-экономической социальной конвенции и принятия основополагающего предпринимательского кодекса, который, в свою очередь, будет реализовываться в деятельности конкретных общественных институтов⁵.

Затрагивая проблему соотношения жизненного мира человека и системы общества, их взаимодействия, он предлагает использовать в ее решении традиционные принципы конфуцианства, согласно которым нельзя осуществлять эксплуатацию жизненного мира. А последнее происходит из-за господства в современном мире всепроникающих системных закономерностей, усложнения социальной структуры, отхода общества от функциональных структур экономики. Нужно учитывать, что динамика экономической сферы вплетена в пространство жизненного мира. Восстановить должный порядок можно только путем провозглашения и реализации идеи консенсуального управления⁶.

Итак, дискурсивный подход в экономике сводится к идее, что в процессе обсуждения и реализации важных экономических решений должны принимать участие все заинтересованные стороны. С помощью глобализации же необходимо преодолеть те территориальные и правовые границы, которые мешают достижению сообществом коммуникативного идеала. Периферийные капиталистические страны требуют признания своего права на достижения того же экономического уровня, что и развитие. В связи с этим возникла мысль о необходимости новой парадигмы мышления. Существующее ранее концептуальное представление о частной собственности также должно быть изменено. Собственность – динамический институт, в котором происходит аккумуляция совокупности прав распоряжения социальными благами⁷. Концепция частной собственности реализует в себе все распорядительные права, которыми может обладать индивидуальный субъект. Фунг Йео-Лян обращает внимание на возможность возникновения внешних эффектов при производстве материальных благ. Недостаток

либерального устройства социума заключается в том, что в его рамках экономика рассматривается как замкнутая система, в которой внешние эффекты практически не учитываются. Между тем при возникновении последних мы можем констатировать, что происходит интервенция общества в сферу частной собственности, что чаще всего выливается в государственный интервенционизм⁸.

В условиях глобализации меняется структура института частной собственности. Китайский социолог Ли Лушэн также занимается исследованием изменения понятия «частная собственность», которое является одним из ключевых в экономической науке. Сегодня отчетливо видны разделение собственности и распоряжение ею. В крупных компаниях функцию распоряжения и управления наличными ресурсами выполняет группа профессиональных менеджеров. Роль же собственника ограничивается предоставлением необходимых ресурсов и распределением прибыли. Ограничение прав собственности происходит посредством правовой регуляции, если интересы собственника затрагивают интересы сообщества. Либеральная модель общественного устройства, настаивающая на полном совпадении прав собственности и прав распоряжения, препятствует расширению группы участников диалога по поводу негативных последствий материального производства. Частное право здесь обладает такой характеристикой, как эксклюзивность, четко указывающая на рамки, за которыми должна находиться общественность, даже если затрагиваемые проблемы касаются блага всего человечества. Эксклюзивное качество частной собственности можно преодолеть в источнике ее происхождения только в том случае, если из самого факта ее использования как данности будет следовать коммуникативное право⁹.

Для того чтобы границы частной собственности не оказывали негативного влияния на процесс решения проблем мирового масштаба, необходимо налаживание совершенно особого процесса коммуникации, при котором наличие частной собственности является условием участия в этом процессе. Достигнуть этого можно в результате нейтрализации капитала, что означает лишение собственника эксклюзивного права распоряжаться своей собственностью¹⁰. Посткласическая социально-философская парадигма, в рамках которой возвращается к жизни умеренная социалистическая программа, дает возможность собственнику иметь право присвоения прибыли, однако реальное управление остается в руках общественности. Таким образом, реализуется идея этико-политического коммуникативного сообщества. «Нейтрализация» капитала снимает реальную угрозу интервенционизма государства. Эта модель, при которой собственностью могут

управлять все заинтересованные, возможна, по мнению Фунг Йео-Ляна, только при наличии демократической формы правления¹¹.

Развитие частной собственности, ее эксклюзивность не лучшим образом сказываются на способах достижения идеального коммуникативного сообщества, экономической справедливости, поэтому сегодня так остро ощутима потребность в эффективных социально-управленческих программах, которые могут поставить надежный заслон стихийным действиям владельцев частной собственности. Реализация программы нейтрализации капитала создает благоприятную обстановку для утверждения коммуникативной рациональности. Однако в рамках концепции, которую разработал Фунг Йео-Лян, нет необходимой дифференциации экономической и политической систем и сопротивления идее подчинения экономической сферы политической. Лейтмотивом его теории является обобществление производства, что с полным правом можно назвать утопизмом. Ученый не учитывает прагматических интенций экономической системы, тем самым исключая из поля зрения принцип дискурсивного управления. *Дискурсивно-этическое вмешательство в процесс социальной динамики экономических институтов прежде всего осуществляется на уровне конституирования системы правил и возникновения формального рыночного порядка, в то время как сами решения и действия акторов экономической сферы должны оставаться целерациональными и стратегическими.*

Отметим, что более эффективным является проект дискурсивного управления, в рамках которого можно свести к минимуму элементы утопизма дискурсивной этики. Прежде чем подвергать перестройке институциональную сферу в соответствии с коммуникативными идеалами, более рационально выявить дискурсивный потенциал в существующих институтах рынка¹². Политическая регуляция уступает место дискурсивной, которая, по словам П. Козловски, в отличие от политической, способна охватить всех тех, кто заинтересован в процессе принятия и реализации решений¹³. К примеру, экономический обмен основан на взаимной договоренности и согласии потребителя приобрести тот или иной вид товара. Демократические же решения неминуемо предполагают подчинение меньшинства воле большинства даже вопреки интересам первого. Далее экономическая концепция маркетинга предполагает ведение такого рода деятельности, в результате которой происходит изменение продукта согласно требованиям потребителей. Демократические выборы создают продукт, который нельзя адаптировать к сложившимся требованиям «потребителя», так как они появились позднее. Таким образом, в демократической системе от-

сутствует эффективная обратная связь, наличествующая в маркетинге. В пространстве рынка существует множество локальных дискурсов – демократические выборы не предполагают этого, так как важно согласование воли всех. Опираясь на вышесказанное, нетрудно сделать вывод, что рынок безусловно обладает своим дискурсивным потенциалом. Например, Дж. Бьюкенен определял его как систему пропорциональной репрезентационной деятельности, которая однозначно является эффективной. Посредством дискурсивного взгляда на социальную реальность мы можем выявить в ней признаки универсальности и гетерогенности ее сегментов. Природа экономических дискурсов отлична от политических: здесь не предполагается сопротивления, неотъемлемого от коммуникации политической сферы. Прагматизм купли-продажи предполагает свободное неконфликтное волеизъявление продавца и покупателя.

Фунг Йео-Лян пытается реабилитировать критикуемую Марксом идею нейтрализации капитала, основанную на теории «примитивного коммунизма». В связи с этим способы регулирования экономики китайский философ предлагает исключительно политические, которые при определенных обстоятельствах могут приобретать насильственную форму. Близость концепций подтверждает практика социализма, когда отсутствие у работника частной собственности не позволяло ему стать полноправным участником коммуникации и фактически превращало его в вид трудовых ресурсов. В то же время китайский философ не принимает во внимание интенциональной природы коммуникации.

Эффективность экономических дискурсов заключена и в их дешевизне: затраты на осуществление коммуникации входят в расчет трансакций. Заметным недостатком коммуникативной теории является недостаточное внимание к величине стоимости дискурсов. Но нельзя забывать, что эта стоимость является важнейшим элементом исследования факторов реализации коммуникативного сообщества. Установлено, что расходы на принятие и реализацию решений будут наименьшими при реализации ценностной максимы – включения в коммуникативное пространство квалифицированного большинства. Это – стратегический синтез единогласия и диктатуры¹⁴.

Недостаточная финансовая поддержка становится причиной исключения огромного числа потребителей из экономического процесса, однако и в развитых странах, где создается и культивируется «общество благосостояния», предметы роскоши также оказываются исключаемыми из рынка¹⁵. В этих тенденциях видно дискурсивное действие коммуникативного сообщества – массовый спрос доминирует над эксклюзивным.

Таким образом, массовый спрос систематизирует общественные стандарты, формирует направления развития рыночных отношений и производства, это важный элемент динамики глобализирующейся экономики.

Кроме того, рыночные дискурсы имеют эффективно репрессивный характер, конституируют следующие тенденции социально-экономической динамики. Во-первых, происходит стандартизация потребления товаров массового спроса; эксклюзивная и индивидуальная продукция сдает свои позиции. Методологически оправданным является утверждение С. Тихоновой, что «символический характер потребления предполагает, что оно способно влиять на социальные отношения и связи. Именно в этом качестве потребление попадает в фокус исследования философских наук»¹⁶. Во-вторых, с течением времени достигается предел для ориентиров экономического процесса и они становятся неактуальными. Вместе с тем появляется опасность, что интенция рынка будет определяться старшим поколением, невосприимчивым к новым веяниям. В-третьих, в условиях рынка принцип удовольствия доминирует над принципом реальности. В экономическом дискурсе теряется ценность солидарности: предпочтение здесь отдается индивидуализму. Дискурсы такого характера имеют четкую локализацию и не выходят на мировой масштаб политического дискурса. Это создает риск и опасность последствий «тирании эгалитарных решений», так как индивидуальные предпочтения и интересы далеко не всегда соответствуют коллективным решениям, воплощенным в жизнь. Бессистемные и маломасштабные действия на рынке часто приводят к явлениям, которые не могли быть спрогнозированы в данной ситуации.

В пространстве социальной динамики глобальных процессов риск принятия стихийных решений катастрофически возрастает, выражаясь в непредсказуемой реакции динамики глобальных рынков. Экономические дискурсы, которые действительно обладают многими положительными сторонами, неспособны составить достойную конкуренцию и стать заменой коммуникативному сообществу. В экономике как институциональной сфере очень четко работают законы системной и стратегической рациональности. Рынок также не подходит и на роль идеала коммуникативного общества. Глобализация в условиях экономики вызывает угрозу, что рынок потеряет способность к саморегуляции на локальном уровне, так как этот уровень исчезает. Перестройка экономической сферы под гнетом глобализации – довольно сложный процесс: здесь невозможно обойтись «разовой инъекцией». Кроме большой временной протяженности, этот процесс затрагивает буквально все слои экономической

сферы, таким образом, нуждается в изменении структуры вся сложившаяся институциональная система. Проблемы, возникающие в этом поле, приобретают социально-этическую окраску.

Публикация выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая» (а 12-33-09003).

Примечания

- ¹ См.: Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски. Саратов, 2006. С. 158.
- ² См.: Козловски П. Постулаты экономической этики. СПб., 1999.
- ³ См.: Fung Yeou-Lan. Chinese Philosophy and a Future World Philosophy // The Philosophical Review. 2006.

№ 57. P. 18–78.

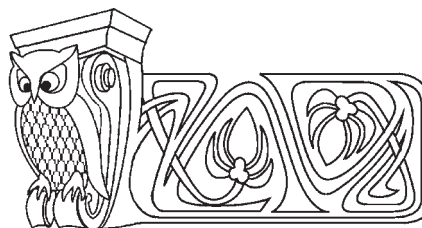
- ⁴ Ibid. P. 21.
- ⁵ Ibid. P. 24.
- ⁶ Ibid. P. 39.
- ⁷ Ibid. P. 42.
- ⁸ Ibid. P. 44.
- ⁹ Цит. по: Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Этика устойчивого развития в информационную эпоху. Улан-Удэ, 2002. С. 56–60.
- ¹⁰ Fung Yeou-Lan. Op. cit. P. 51.
- ¹¹ Ibid. P. 38.
- ¹² См.: Козловски П. Указ. соч. С. 60–71.
- ¹³ Там же. С. 76.
- ¹⁴ Там же. С. 56.
- ¹⁵ Там же. С. 71–74.
- ¹⁶ Тихонова С. В. Коммуникационные структуры социальной мифологии. Саратов, 2008. С. 184.

УДК 316.3

МОРАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

А. И. Парфёнов

Саратовский государственный университет
E-mail: anteater1@yandex.ru

Общество должно располагать эффективными средствами регуляции поведения индивидов, оно использует мораль как универсальную систему принуждения. Мораль является средством социализации, демаркации социальных и асоциальных элементов и наказания. Понятиями, используемыми для идентификации социально неприемлемых действий, служат непристойность, стыд, вина, позор. Их содержание определяется социальными нормами, актуальными в определённом культурном контексте.

Ключевые слова: мораль, общество, насилие, вина, позор.

The Moral Regulation as a Form of Social Violence

A. I. Parfenov

Society should get effective instrument of regulation of individuals' behavior. Society uses morality as a universal system of compulsion. Morality is also used as an instrument of socialization and demarcation between social and asocial elements, and as an instrument of punishment. Concepts used to identify socially unacceptable actions are: obscenity, shame, guilt. The content of these concepts is determined by social norms relevant in the specific cultural context.

Key words: morality, society, violence, shame, guilt.

Общество нуждается в эффективных средствах регуляции поведения индивидов, кроме правовой и всегда сопутствующей ей пенитен-

циарной систем общество использует мораль как универсальную систему принуждения, средство воспитания – социализации – и демаркации социально-полезных и социально-опасных субъектов, в качестве средства наказания. Одним из моральных понятий, используемых для идентификации социально неприемлемых действий, является понятие «непристойность».

Данное понятие всегда социально, его содержание определяется общественными нормами, актуальными в определённом культурном контексте, моралью, религией. Ни один объект, ни одно действие не могут быть непристойны сами по себе: другими словами, никакой «непристойности» в онтологическом смысле не существует. Она возникает как результат восприятия, формируется в пространстве коммуникации между сознанием и предметом созерцания, который определяется нашим взглядом в качестве «непристойного» или «пристойного». Когда мы определяем что-либо как «непристойное», то не высказываем «свою» точку зрения, мы занимаем позицию анонимного наблюдателя – носителя моральных критериев, обобщённого социального субъекта. Таким образом, понятие непристойности интерсубъективно, оно ассоциирует субъекта